Я слежу за тобой

Автор:
Тереза Дрисколл

Я слежу за тобой

Тереза Дрисколл

Бестселлер AmazonГлавный триллер года

Пропавшая девушка.

Измученная совестью свидетельница.

Паутина лжи.

И кто-то все время следит…

Откуда берутся бестселлеры? Прямо из нашей жизни. Однажды автор ехала поездом в Лондон. В ее вагон вошли двое молодых людей с черными мешками. Когда выяснилось, что их лишь сегодня выпустили из тюрьмы, ей стало не по себе – и в то же время ужасно захотелось узнать, что же будет дальше. Так возник этот роман…

БЕСТСЕЛЛЕР #1 AMAZON KINDLE В ВЕЛИКОБРИТАНИИ, США И АВСТРАЛИИ

Двое привлекательных парней подсели к паре молоденьких девушек у окна в поезде и начали флиртовать. Сидевшая неподалеку Элла Лонгфилд не обращала на них внимания, пока случайно не услышала, что парни только сегодня вышли из тюрьмы. Ее стали мучить сомнения. Вмешаться или нет? Мало ли что можно ожидать от двух бывших заключенных… В конце концов, она сама мать. В итоге Элла решила не вмешиваться – у молодежи свои дела, своя жизнь. А на следующее утро ее буквально ошарашила новость: одна из тех девушек, зеленоглазая Анна, бесследно исчезла…

Прошел год. Анну до сих пор не нашли, ее попутчиков – тоже. Эллу терзают угрызения совести. И в довершение ко всему, кто-то шлет ей открытки с угрозами. Кто-то знает, что она промолчала. Кто-то следит за ней. Кто-то хочет, чтобы она ответила за всё…

Помимо психологических триллеров, Тереза выпустила несколько женских романов.

Подробную информацию о книгах Терезы вы найдете на ее официальном сайте www.teresadriscoll.com.

Тереза Дрисколл

Я слежу за тобой

© Перевод на русский язык, А. Андреев, Я. Саравайская, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Июль 2015 года

Глава 1

Свидетельница

Я совершила ошибку. Теперь-то ясно.

И все только из-за услышанного тогда в поезде. Послушайте, по правде говоря – каково было бы вам?

До того случая я вовсе не считала себя ханжой. Или наивной. Ладно, ладно, я получила довольно обычное – можете сказать, безмятежное – воспитание, но… господи, посмотрите на меня. Я немало пожила, немало знаю. В плане морального поведения довольно средняя по шкале Рихтера, – поэтому меня так потрясло то, что я услышала.

А ведь казались славными девчушками!

Конечно, не стоило мне слушать чужие разговоры. Но как ничего не слышать в общественном транспорте, скажите на милость? Одни стрекочут в свои мобильники, другие начинают говорить громче, чтобы их расслышал сосед…

Наверное, я не влипла бы в эту историю, будь у меня книга поувлекательней. Увы, к моему величайшему сожалению, я купила книгу по той же причине, по которой купила журнал с ветрогенераторами на обложке.

Я где-то читала, что человека к сорока годам больше должно беспокоить то, что он думает о других, чем то, что думают о нем. Почему же у меня до сих пор все не так?

«Хочешь купить журнал “Хелло”, так покупай, Элла». Плевать, что подумает скучающая студентка за кассой.

Куда там!.. Я покупаю какой-то экологический журнал и поучительную биографию; и к тому моменту, как в Эксетере в вагон входят два молодых человека с черными пластиковыми пакетами, я уже маюсь от скуки.

И вот вопрос. Что придет вам в голову при виде входящих в вагон двух парней, каждый с черным пластиковым пакетом – с неизвестным содержимым? Я сама мать подростка, спальня которого подпадает под закон об охране труда и здоровья; и внутри себя просто скривилась: «Ну, конечно, даже сумок приличных не нашли».

Шумные и возбужденные, парни едва успели на поезд; напыщенный дежурный на платформе уже свистел в свисток с яростным неодобрением. Наигравшись с автоматической дверью – открылась, закрылась, открылась, закрылась; почему-то их это очень забавляло, – они уселись на места у багажных полок. Однако, заметив двух подруг из Корнуолла, многозначительно переглянулись и двинулись по вагону к местам у девушек за спиной.

Я улыбнулась про себя. Понимаем. Я же не зануда, сама была молодой.

Девушки притихли и потупились, потом одна многозначительно взглянула на подругу. Да, один из парней был необыкновенно хорош собой, похож на модель или солиста мальчиковой группы. Невольно вспомнилось особое щекотание в животе. Ну сами знаете.

И я нисколько не удивляюсь, когда парни встают и симпатяга перегибается через разделяющую их спинку сиденья. «Может, принести девушкам что-нибудь из буфета? Раз уж я иду?»

Обменялись именами, немножко похихикали… Спустя два кофе и четыре пива парни пересаживаются к девушкам – и они достаточно близко, чтобы мне все было слышно. Знаю, знаю, не следовало слушать. Но не забывайте, мне скучно. А они громогласные.

Так вот. Девушки повторяют то, что я уже уловила раньше из их болтовни. Поездка в Лондон – первая самостоятельная поездка в столицу, подарок от родителей в честь окончания средней школы. Им заказан номер в недорогом отеле, у них билеты на «Отверженных», и они никогда так не волновались.

– Шутите! Никогда не ездили одни в Лондон? – Карл, похожий на солиста мальчиковой группы, изумлен. – О, Лондон коварный город, девочки. Будьте внимательны. Только такси – никакого метро после театра. Слышите?

Карл мне нравится. Он советует магазины и лавочки – и клуб, где, как он утверждает, совершенно безопасно, можно послушать приличную музыку и потанцевать после спектакля. Он записывает на бумажке название. Там у него знакомый вышибала. «Скажете, что от меня, ясно?»

Анна, та, которая повыше, спрашивает про черные пластиковые пакеты; и я тайком радуюсь, что она поинтересовалась, – мне и самой любопытно.

Выясняется… Двое молодых людей только что вышли из тюрьмы. В черных пакетах их имущество.

Молчание длится недолго. Очень быстро девушки берут себя в руки.

– Прикалываетесь?

Нет. Парни не прикалываются. Они решили быть честными. За прошлые ошибки расплатились сполна, но ничего не стыдятся.

Хотите начистоту, девочки? Карл отбывал наказание в Эксетере за физическое насилие, Энтони – за воровство. Карл просто вступился за друга, понимаете, и – положа руку на сердце – теперь поступил бы так же. К его другу цеплялись в баре, а Карл ненавидит забияк.

Я думаю над парадоксом – забияки против физического насилия; и разве у нас сажают за мелкие потасовки? – но девушки, похоже, очарованы и с милой наивностью говорят, что верность другу – это хорошо и что к ним в школу однажды приезжал парень после тюрьмы и рассказывал, как полностью изменил свою жизнь, отсидев за наркотики. Весь в татуировках. Весь.

– Ух ты. Тюрьма. Каково там на самом деле?

В этот момент я задумываюсь о своей роли.

Представляю, как мама Анны надрывается на кухне у плиты и с беспокойством спрашивает у мужа, как там их маленькая девочка, а он просит ее не волноваться по пустякам. «Они быстро взрослеют. Разумные девочки. Все будет в порядке, милая».

А я думаю, что они совсем не в порядке. Потому что Карл говорит, что правильнее нашим подружкам найти кого-то, кто хорошо знает Лондон и может их сопровождать.

Карл и Энтони намерены остановиться у друзей в Воксхолле и предвкушают грандиозную вечеринку в честь выхода на свободу. Что, если они встретят девочек после спектакля и вместе отправятся в клуб?

И я решаю, что должна позвонить родителям девочек. Они упоминали название деревни. Анна живет на ферме. Не бог весть какая головоломка. Можно позвонить на почту или в местный паб; ну сколько там ферм?

Однако Анна отказывается. Нет. Они, пожалуй, лягут сегодня пораньше, чтобы с утра отправиться по магазинам. Они, видите ли, собираются первым делом пойти в «Либерти», потому что Сара хочет примерить кое-что от Стеллы Маккартни[1 - Стелла Нина Маккартни (р. 1971) – английский модельер, дочь участника группы «Битлз» П. Маккартни.] и сфотографироваться на телефон.

Умница, думаю я, разумница. Можно не вмешиваться.

Увы, возникает осложнение, потому что Сара, похоже, запала на Энтони. Снаряжается вторая экспедиция в буфет, и по возвращении все меняются местами – теперь Анна сидит с Карлом, а Сара с Энтони, который жалуется, как загубил свою жизнь. Он пошел на преступление только от отчаяния, говорит он, – не мог найти работу. Не мог поддерживать сына.

Сына?

Я ошарашена. Меня накрывает тенью стыд за мою жизнь в шоколаде – я буквально съеживаюсь, пока Энтони объясняет, что судится с бывшей за право встреч с ребенком, пока жалуется Саре, как плохо, что он не сможет растить сына, а сын не будет знать отца. «Правда же, это ужасно, Сара? Вырасти, не зная отца?»

Сара меня поражает: сдавленным голосом она говорит, что Энтони действительно молодец, раз так переживает, ведь так много молодых людей не переживают, а просто бегут от ответственности. «Я чувствую себя ужасно. А мы-то про Стеллу Маккартни…»

Теперь я уже ничего не понимаю. Да и откуда мне понимать – мне, женщине, чьи баталии по поводу сына сводятся к запрету фильмов «детям до 18» в местном кинотеатре?

Дальше разговоры на целый час стихают до шепота, и я изо всех сил стараюсь читать – разобраться в преимуществах бесшумных ветрогенераторов. А потом Энтони и Сара снова идут в буфет. Опять пиво, думаю я. Большая ошибка, Сара. И я решаюсь.

Да. Я тоже пойду к буфету – якобы за кофе – и в очереди или в коридоре изображу, что у меня беда с телефоном. Попрошу Сару помочь – чтобы отцепить ее от Энтони для тихой беседы – и предупрежу: если она не прекратит ерунду, я позвоню ее родителям. «Сию же минуту, понимаешь, Сара? Их номер я найду».

Наш вагон – третий от буфета. Во втором вагоне я стукаюсь о сиденья – бьюсь, бьюсь, бьюсь бедрами и нащупываю телефон в кармане жакета, проходя через автоматические двери в тамбур.

И тут слышу их.

Никакого стыда. Даже не пытаются вести себя тихо. Занимаются этим громко и гордо, в туалете поезда. Как животные в брачный период.

Я поняла, что это они, по голосу Энтони. Как долго он ждал. Как он благодарен. Сара, о да, Сара…

Я потрясена до глубины души.

Горю от унижения. От ярости. Задыхаюсь и хочу только одного: ничего не слышать.

И стыжусь своей наивности. Своих нелепых рассуждений.

Бреду по коридору до следующих автоматических дверей, в следующий вагон, взволнованно и растерянно пытаясь уйти подальше от свидетельства моего просчета.

Славные девочки?

В очереди в буфете я снова слышу биение пульса в ушах и думаю: хоть кто-нибудь их услышал? Пожаловался на них?

И повторяю про себя: пожаловался? Кому жаловаться, Элла? Другие сделают в точности то, что тебе следовало сделать с самого начала: займутся своим делом.

Тут мои мысли путаются, и я начинаю размышлять, почему стала такой отсталой, такой замкнутой. Женщиной, которая не имеет ни малейшего понятия о современной молодежи. И вообще ни о чем.

В голове – калейдоскоп воспоминаний. Обрывки картинок. Журналы, найденные в комнате сына. Тот вечер, когда мы пришли из кино рано и обнаружили, что Люк пытается взломать код на телевизоре, чтобы посмотреть порно.

В том злосчастном поезде я поняла, что непременно нужно поговорить с мужем. С моим Тони. Проверить ориентиры. Нужно спросить его: неужели вся проблема не в них, а во мне? Я – сплошное недоразумение, Тони? Нет, серьезно, будь честен со мной. А как мы тогда спорили из-за каналов для взрослых и журналов Люка!

Я что, самая ужасная ханжа?

Я действительно пытаюсь дозвониться до него – из гостиницы, после конференции. Хочу рассказать, что поступила разумно, когда пересела в другой конец поезда. Занялась собой. Девушки вполне способны разобраться самостоятельно.

Но Тони нет дома, и мобильный он с собой не носит, считая его, как некоторые, причиной рака мозга. Так что я поговорила с Люком. Меня странным образом успокоил его рассказ об ужине: он приготовил рагу по скачанному через новое приложение рецепту. Мой Люк любит готовить, а я пошутила насчет состояния кухни: он наверняка использовал всю имеющуюся посуду.

И вот утро в гостинице.

Ненавижу это ощущение: тело словно чужое – из-за кондиционера, незнакомой кровати и неумеренности с мини-баром. Моя норма в гостиницах – стаканчик

бренди после утомительного дня. Едва только половина седьмого, и я поспала бы еще… Увы, десять минут мучений, и я сдаюсь, глядя на печальные пакетики в пиале рядом с чайником. Уговариваю себя, что вот на этот раз выпью растворимого кофе, а в результате выливаю его в раковину.

Смотрю на ряд пустых мини-бутылочек, ежась от ужасной мысли. Бросаю взгляд на телефон у кровати и ощущаю укол страха, знакомую дрожь: я сделала что-то стыдное, о чем еще пожалею. Поворачиваюсь спиной к ряду бутылочек и вспоминаю, что вчера после второго бренди решила позвонить в справочную, чтобы разыскать родителей тех девушек. От этого воспоминания меня бросает в дрожь, но память словно в дымке. «Ты в самом деле звонила? Думай, Элла, думай».

Вновь смотрю на телефон и пытаюсь сосредоточиться. Ага. Вспомнила – и напряженные плечи наконец расслабляются. Я держала трубку в руке и, уже почти набрав номер, поняла, что плохо соображаю – и не только от бренди. Мой мир перевернулся. Я хотела позвонить не от беспокойства за девочек, а в качестве наказания – злилась на Сару, которая заставила меня переживать.

Я поступила разумно. Положила телефон, выключила свет и легла спать.

Хорошо. Очень хорошо. Я ощутила такое облегчение, что решила в качестве праздника все-таки отведать растворимого кофе.

Включаю чайник, потом телевизор. И тогда он наступает – тот единственный миг, который растягивается, растягивается за пределы комнаты, за пределы города. Миг, когда я понимаю, что моя жизнь никогда не станет прежней.

Никогда.

Звук в телевизоре выключен – поздно вечером я смотрела фильм с субтитрами, чтобы не беспокоить постояльцев в соседнем номере. Но картинку не узнать нельзя. Фото со странички в «Фейсбуке». Красотка. Зеленые глаза сияют, светлые волосы укрывают плечи. На заднем фоне остров Сент-Майклз-Маунт.

И тут я словно каким-то образом отъезжаю назад – сквозь подушки, спинку кровати, сквозь стену – и вижу экран из далекого далека. А по экрану ползут ужасные, отвратительные слова: «Пропала… Анна… пропала… Анна…»

Чайник пышет сердитым паром на зеркало, а у меня в голове роится громадная черная туча слов.

Для полиции. Для Тони.

«Ну поймите, я собиралась позвонить…»

Глава 2

Отец

Генри Баллард сидит в теплице, старательно не обращая внимания на шум из кухни.

Он знает, что нужно идти к жене – помочь, утешить, – но знает и то, что ничего не может изменить. И не трогается с места. А по-честному – хочет просто сидеть и сидеть, глядя на лужайку. В этом странном пространстве, пристройке к дому, который никогда ему не нравился – то слишком жарко, то слишком холодно, несмотря на жалюзи и на вентилятор с пылеуловителем, установленный за бешеные деньги, – только здесь Генри удавалось впадать в полусознательное состояние, здесь его мысли скитались вне тела, вне времени, уплывали в сад, где он прямо в эту рассветную минуту слушает разговор девочек в их убежище среди кустов. Анна и Дженни.

Тогда у них начался мерзкий розовый период. Розовые одеяльца. Розовые Барби. Розовая палатка, купленная по какому-то каталогу и набитая всякой девчачьей всячиной. Он даже близко подходить отказывался. А теперь ничего так не желал, как забыть про удои и сенокос, про налоги и банки, чтобы разжечь костерок и жарить сосиски дочкам на завтрак. Настоящий лагерь – он много раз обещал им, но так и не устроил…

Могучий грохот на кухне возвращает его к реальности. Упали на пол жестянки – формочки для выпечки всевозможных видов и размеров.

– Да что ты делаешь?

– Сливовый пирог.

– Бога ради, Барбара…

Любимые пироги Анны. Бисквитный корж с начинкой из пряных слив. Генри чует запах корицы: баночка на кухонном столе опрокинулась, и пряность образовала маленький холм.

Ох, Барбара…

Она собирает формочки дрожащими руками.

Генри не выдерживает и, вместо того чтобы помочь, хотя бы проявить сочувствие, отправляется в кабинет и садится у телефона; поэтому минут через пять или десять первый видит, как полицейская машина снова тормозит у них на дорожке.

Страшно скручивает желудок, и Генри даже всерьез подумывает забаррикадироваться. В голове возникает забавная картинка: вся мебель привалена к двери, чтобы не дать войти полицейским. На сей раз их двое. Мужчина и женщина. Мужчина в костюме, женщина в форме.

Когда Генри спускается в холл, жена стоит в проеме кухонной двери, вытирая руки о фартук. Он смотрит на Барбару только мгновение – ее взгляд молит Бога, молит о справедливости.

Он открывает дверь – Анна и Дженни вваливаются в дом со школьными портфелями и теннисными ракетками и бросают всё на пол. Радость. Радость. Радость.

И снова – в реальность.

Правда читается по их лицам.

– Вы нашли ее?

Мужчина в стильном отутюженном костюме только качает головой.

– Это офицер по связям с семьей, констебль Кэти Брайт. Помните, я говорил по телефону?

Генри не в силах выговорить ни слова. Онемел.

– Мы можем войти, мистер Баллард?

Он молча кивает.

В кабинете все усаживаются; раздается странное шуршание: жена потирает ладони. Он берет ее за руку, чтобы прекратить шум.

– Поверьте, лондонская полиция делает все возможное. И постоянно держит связь с нами.

– Я хочу поехать в Лондон. Помочь…

– Мистер Баллард, мы это уже обсуждали. Вы нужны жене здесь, и нам тоже может понадобиться ваша помощь. А сейчас, пожалуйста, давайте сосредоточимся на том, чтобы собрать всю необходимую информацию. Если узнаем что-то новое – что угодно, – обещаю: немедленно сообщим вам и предоставим транспорт.

– А Сара что-нибудь вспомнила? Она что-то рассказала? Мы хотим поговорить с ней. Нам бы только поговорить…

– Сара остается в состоянии шока. Это естественно. С ней работает команда специалистов, и родители рядом. Мы по-прежнему собираем информацию. Полиция в Лондоне просматривает записи камер наблюдения. Из клуба.

– Все равно не понимаю. Клуб? Что они делали в клубе? Не было в их планах никакого клуба. У них были билеты на «Отверженных». Мы об этом ясно сказали…

– Есть новые данные, которые помогут прояснить это, мистер Баллард. Появился свидетель. Из поезда.

В горле образуется ком.

– Свидетель… Что значит – свидетель? Свидетель чего? Не понимаю.

Двое полицейских переглядываются, и женщина отходит к креслу рядом с Барбарой.

Говорит детектив:

– После обращения полиции нам позвонила женщина, которая в поезде сидела недалеко от Анны и Сары. Она слышала, как девушки завязали знакомство с двумя мужчинами.

– Какое знакомство? Какие мужчины? О чем вообще речь? – Жена еще крепче вцепляется в руку Генри.

– Мистер и миссис Баллард, из того, что она слышала, получается, что Анна и Сара подружились с двумя мужчинами. Небезызвестными для нас.

– Мужчины? Что за мужчины?

– Только что вышедшие из тюрьмы, мистер Баллард.

– Нет. Нет. Она наверняка ошиблась… Невозможно. Совершенно невозможно.

– Лондонская полиция собирается еще раз поговорить об этом с Сарой. Незамедлительно. И со свидетельницей. Как я уже сказал, нам просто нужно собрать как можно больше подробностей – что происходило перед тем, как Анна пропала.

– Послушайте, они разумные девочки. Понимаете? Хорошие, разумные девочки. Правильно воспитанные. Мы ни за что – ни за что! – не отпустили бы их в эту поездку, не будь мы…

– Да. Да. Разумеется. И давайте надеяться на лучшее. Как я говорил, мы делаем все возможное, чтобы найти Анну, и будем сообщать вам о каждом шаге. Кэти останется с вами. Ответит на все вопросы, которые возникнут. И еще, если позволите, я хотел бы вновь осмотреть комнату Анны. Вдруг там есть дневник? На компьютер взглянуть. Вы не проводите меня, мистер Баллард? А Кэти пока сделает для вашей жены чашку чая. Хорошо?

Генри не слушает. Он думает, что жена была против поездки. Говорила, что они слишком юные. Слишком далеко. Слишком рано. Это он настаивал на поездке. «Ради всего святого, Барбара, нельзя нянчить их вечно».

А на самом деле? Он чувствовал, что Анне нужно хоть на чуть-чуть вырваться из-под маминой опеки. Уйти от сливового пирога.

Однако дело не только в этом. Господи боже…

А если они узнают, что дело не только в этом?

Глава 3

Подруга

В душном двухместном номере лондонского отеля, по недоразумению названного «Парадиз», Сара слышит, как мама шепчет ее имя, – и не собирается открывать глаза.

Комната другая. Такая же, но на другом этаже. В ту, где они с Анной распаковали вещи, до сих пор нет доступа, и Сара не может понять почему. Анна туда не вернулась. Они что, не верят?

А эта комната пахнет чем-то ужасным. Чем-то, что напоминает пыльную щель за буфетом. И прятки в детстве. Сара с закрытыми глазами мечтает сыграть прямо сейчас: забыть про запах и температуру, про мать и полицию – и сыграть в прятки. Да. В той версии времени Анна сушит голову – плойка для выпрямления волос уже нагрелась – и трещит о том, чем они займутся сегодня. С какого

магазина начать? И неужели Сара всерьез хочет пойти к Стелле Маккартни – продавец по их одежде сразу поймет, что они не будут ничего покупать.

Анна. Милая, раздражающая Анна. Слишком худая. Слишком красивая. Слишком…

– Ты проснулась, детка? Ты слышишь меня, дорогая?

Сара, еще не поворачиваясь к матери, открывает глаза, щурясь на лучик света, который, пробившись через щель в шторах, образовал треугольник на стене. Она легла в постель не раздеваясь и не захотела накрываться, уверенная, что вот-вот будут новости. Вот-вот. Анну с минуты на минуту найдут.

– Хорошо, что ты поспала, милая. Хотя бы часок. Я приготовила чай.

– Я ничего не хочу.

– Глоточек. Два кусочка сахара. Нужно что-то проглотить.

– Я говорю, что не могу. Все нормально.

Мама в тех же брюках, что и вчера, но блузку переодела, и Сара думает, что это одновременно и типично, и неправильно – заботиться о свежей блузе.

– Папа приехал. Он внизу, почти все время с полицией. Они хотят еще поговорить с тобой. Когда тебе станет…

– Я уже рассказала все, что могла вспомнить. Целыми часами рассказывала. И я не хочу видеть отца. Не надо было его звать.

Сара с матерью смотрят друг другу в глаза.

– Послушай, я знаю, как тебе тяжело. С папой. Но он ведь беспокоится. А полиция получила звонок, и они хотят кое-что у тебя уточнить. После передачи по телевизору.

– Звонок?

– Да. От какой-то женщины с поезда.

– Женщины? Я не понимаю, о чем ты говоришь. Какая женщина?

Сара чувствует ту же ужасную пустоту в животе, как и в первые часы, когда она с полицейскими ждала мать. Мучаясь после выпивки. Ничего не понимая. «Где ты, Анна? Куда запропастилась?»

Она пыталась рассказать полицейским достаточно подробностей, чтобы они восприняли все всерьез, но недостаточно, чтобы…

Сара быстро поднимается, чувствуя, как морщится на талии льняная блузка, перебирает расчески, косметичку и прочую ерунду на туалетном столике.

– Пульт у тебя? Я хочу посмотреть новости. Что там говорят?

– Лучше не стоит, Сара. Пей чай. Я скажу папе, что ты проснулась. Что они могут заходить.

– Я не буду снова говорить с ними. Не сейчас.

– Послушай, милая. Я понимаю, как это ужасно. Для тебя. Для всех нас. – Мать ходит по комнате. – Но ее найдут, милая. Я уверена. Наверное, пошла на какую-нибудь вечеринку и боится, что ее ждут неприятности. – Мать кладет руку Саре на левое плечо. Сара отстраняется.

– Родители Анны приехали?

– Нет. Не знаю. Я не знаю, что там решили. Полиция собиралась проверить что-то у них в Корнуолле.

– Что проверить?

– Компьютеры или еще что-то. Не помню точно, Сара. Все как в тумане. Они просто хотят собрать всю полезную информацию. Для поисков.

– А я, думаешь, не хочу? Думаешь, я не в полном дерьме?

– Никто тебя не винит, милая.

– Не винит? Зачем тогда говорить о вине, если никто меня не винит?

– Сара, милая, не надо так. Ее найдут. Я знаю. Я позвоню вниз.

– Нет. Я хочу, чтобы меня оставили в покое. Все. Просто оставьте меня в покое.

Мать Сары достает мобильник из кармана и начинает искать в другом кармане очки. Тут раздается стук в дверь.

– Наверное, это они.

Входит тот же детектив, что и в первый раз, но женщина-полицейский другая, и с ними отец Сары.

– Что, есть новости? – встает мать Сары. И вновь садится, когда полицейские синхронно качают головами.

– Тебе удалось отдохнуть, Сара? В состоянии говорить? – спрашивает женщина-полицейский.

– Я была не пьяная. Когда мы разговаривали. Я была не пьяная.

– Да.

Взрослые переглядываются.

– Мы просмотрели записи с камер наблюдения, Сара. Из клуба. – Голос детектива звучит жестче. – К сожалению, не все камеры работали. Но там есть кое-что, чего мы не понимаем, Сара. И нам позвонила свидетельница.

– Свидетельница?

– Женщина с поезда.

Сару охватывает дрожь. Разоблачение. Мороз по коже.

Кровь отливает от ее лица.

Год спустя…

Июль 2016 года

Глава 4

Свидетельница

Я не обманывала себя.

Я отлично представляла, что за неделя меня ждет. С одной стороны, теплилась надежда, что телепередача по случаю годовщины даст новый толчок расследованию. С другой стороны – страх: на меня снова будут коситься. «Это та женщина. Помнишь? Женщина, которая промолчала. В поезде. Когда пропала девушка. Господи, уже год прошел?»

Но я все равно хочу этой реконструкции в «Криминальном часе» – для семьи. Для бедной матери. Я только не хочу там участвовать.

Понятно, да? То есть я не против, чтобы они спрашивали. Хотя Тони разъярился, поразившись, что у полиции хватает наглости звонить. «Вы раскрыли ее имя. Вы позволили всем осуждать ее и теперь ждете, что она придет на вашу телепрограмму…»

Он все еще убежден, что утечка была намеренной, что мое имя попало в прессу не случайно. Доказательств у меня нет, и я, честно говоря, сама не знаю, что думать; знаю только, что не хочу, чтобы принялись заново все ворошить. Снова копаться в грязном белье. Осуждать меня. Ненавидеть.

Даже постоянные покупатели в магазине бросают на меня странные взгляды. Хотя и не имеют в виду ничего плохого.

Пресс-служба полиции утверждает, что никакой утечки не было; они только сказали нескольким репортерам, что свидетельница в поезде ехала на конференцию. Но, видимо, еще и уточнили – на какую конференцию, иначе откуда у журналистов сведения, что я флорист? Так или иначе, кто-то из писак проверил конференции и семинары флористов, нашел участников из Девона и Корнуолла – и в итоге оказался у нас на пороге.

До сих пор вспоминаю это с содроганием.

Конечно, будь я тогда сообразительней, они ничего не смогли бы подтвердить. Додумайся я сказать «не понимаю, о чем вы», им пришлось бы убраться. Но я не додумалась. А ляпнула – понимаю, как сглупила, – совершенно растерявшись: «Откуда у вас мое имя?»

«Какого черта ты это сказала?! – укорял Тони. – Господи, Элла, ты поднесла им все на блюдечке».

Не совсем так. Я не впускала репортеров. Я ничего не рассказывала, клянусь, но они все же сфотографировали меня и звонили, звонили, звонили, так что пришлось поменять номер телефона.

Это преследование, сказал Тони. «По-вашему, она мало пережила?»

Господи, благослови его. Мой милый, милый муж.

А потом все стало совсем ужасно. Поднялась волна в социальных сетях. В конце концов пришлось даже закрыть на время магазин.

Впрочем… Не думаю, что на мою долю выпало слишком много. Ее еще не нашли – ту несчастную красавицу. И, возможно, она мертва – почти наверняка мертва, – хотя, как я слышала, ее бедная мать все еще цепляется за надежду.

И кто ее осудит? Я бы тоже цеплялась.

Полицейский по связям с общественностью из «Криминального часа» сообщил мне, что миссис Баллард дала душераздирающее интервью для вечернего выпуска. Я даже не уверена, что смогу смотреть его. Она весь год собирала информацию о пропавших девушках, которых все-таки нашли спустя годы. Знаете, несчастная попала в плен к какому-нибудь негодяю, долго страдала и наконец смогла сбежать. Все это, очевидно, пришлось вырезать из интервью, поскольку полиция сосредоточилась на другом. Они явно думают, что Анна мертва. Вопрос только в том, чтобы поймать убийцу, а не придурка с девушкой в подвале.

Для эмоционального воздействия они оставили все истории миссис Баллард о детстве Анны. О ее надеждах и мечтах. Именно после таких штук люди звонят с новой информацией. Но все это чтобы найти тех двух мужчин. И, полагаю, чтобы найти тело. Прямо мороз по коже…

Тони просто с ума сходит. Считает, что не промедли полиция с объявлением о розыске Карла и Энтони после моего звонка, возможно, им не дали бы удрать. Скорее всего, за границу. Насколько я понимаю, задержка была как-то связана с Сарой. Полиция не говорит всего, но легко сообразить, что сначала она, похоже, отрицала, что вообще знакома с теми ребятами. Говорила, что я фантазирую. Только когда проверили камеры наблюдения и нашлись кадры того, как они сходят с поезда вместе, полиция опубликовала фото парней. Слишком поздно.

И тут, конечно, все бумерангом возвращается ко мне.

Если б я сразу позвонила, предупредила. Если б приняла меры. Вмешалась.

– Не нужно так думать. Ты не можешь отвечать за весь мир. Ты не сделала ничего плохого. Ничего, Элла. Виноваты эти парни. А не ты. Не вини себя.

Не вини, Тони?

И теперь не только я виню.

Первая открытка пришла несколько дней назад. Прочитав ее, я была потрясена и бросилась в туалет. Меня вырвало.

Почему я так перепугалась? Полагаю, шок был вызван тем, что сначала открытка показалась такой страшной, такой чертовски отвратительной. А когда я наконец остыла и как следует подумала, то вдруг поняла, кто послал открытку. И ощутила одновременно и облегчение, и давящую вину. Ведь, говоря совершенно откровенно, я такое заслужила.

Здесь просто гнев. Не настоящая угроза; просто плевок.

Первая открытка пришла в конверте. Черная, с наклеенными буквами, вырезанными из журнала.

«Почему ты ей не помогла?»

Совсем как в телесериалах, и сделана не очень аккуратно. Липкая на ощупь.

Я сваляла дурака; порвала открытку на кусочки и бросила в мусорный бак – не хотела, чтобы увидел Тони. Знала, что он позвонит в полицию, а этого я не хотела. Не хотела, чтобы к нам понаехала полиция. И пресса. Чтобы опять началось безумие.

Я не сразу разобралась. Сначала решила, что это случайный псих, а потом подумала: минутку, ведь передачу по поводу годовщины еще не показывали. Дело в том, что про эту историю позабыли. До сегодняшней вечерней программы никто про нее и не вспомнил бы. Так обычно и бывает – поэтому у полиции такие трудности. Сначала говорят все, а через минуту забывают.

А сегодня появилась новая открытка. Снова черная, и надпись еще хуже.

«Сука… как тебе спится?»

Это действительно моя вина. И я расплачиваюсь – не только за то, что не помогла Анне, но и за то, что натворила летом.

Теперь я точно знаю, кто присылает открытки…

Глава 5

Отец

Генри Баллард смотрит на часы и свистом подзывает Сэмми.

Вдали он видит дымок из трубы летнего домика – бывшего амбара, в который его отец заходил каждый вечер. Последняя проверка скота перед ужином.

Теперь каждый вечер на прогулку отправляется сам Генри – с тихой грустью.

Голос Анны преследует его неотрывно. «Папа, это отвратительно…»

Генри закрывает глаза и ждет, когда утихнет этот голос.

Такова экономическая целесообразность. Любимая фраза банковских. И Барбары. «Такова экономическая целесообразность, Генри».

История агрономического чуда – фермы Лэдбрук – длилась четыре поколения. Ферма пережила взлет и разорение местного рудника. Пережила изменение вкусов на потребительском рынке. Получала призы за редкие породы. Однажды даже наладила разведение нарциссов. Но переход от успешно работающей фермы к тому, что коллеги называют «все еще играешься?», свершился в мгновение ока.

Теперь он занимается туризмом, а не сельским хозяйством. И это в самом деле имеет финансовый смысл. Ряд амбаров пришлось перестроить и продать, чтобы расплатиться с громадными кредитами, еще десятилетие назад. Остальные сдаются и приносят доход больше, чем кафе и кемпинг, – и уж точно стабильнее, чем могли мечтать отец и дед.

А по правде… Они пахали, его предки. Оплачивали громадные долги кровью, потом и слезами. А он? Что сделал он?

Он пожинал плоды.

Так что он действительно продолжает «играться». Цепляется за своих овец – доход не покрывает даже кормежку – и за крохотное стадо редких мясных коров.

Много лет одна и та же прогулка с тяжелым сердцем. А после того, как Анна…

Генри снова вздрагивает, вспомнив дочь, сидящую рядом с ним в машине. «Это отвратительно…»

Сэмми тыкается носом ему в ладонь, внимательно глядя в глаза хозяину янтарными глазами. Каждый вечер пес сидит во время ужина под креслом Анны. Невыносимо.

Генри гладит Сэмми по голове и направляется к ферме. Его пугает предстоящий вечер, но он обещал Барбаре, что они посмотрят передачу по поводу годовщины вместе, опаздывать нельзя. Они размышляли, как справиться, как будет лучше для Дженни. Сестра без сестры.

Всего полтора года разницы – такие милые и такие дружные, особенно в раннем детстве. Конечно, бывали и распри, но когда наступало время ложиться спать, они всегда успевали помириться и спали в одной спальне, хотя комнат хватало. Генри вспоминает, как заглядывал в дверь, проверить перед сном дочек, свернувшихся в розовых пижамах на двуспальной кровати.

Дженни еще не спит. Барбара еще не спит. Генри понятия не имеет, как они выдержат телепередачу. Снова под прицелом софитов.

Приглашение приехать в лондонскую студию отвергли без разговоров. Барбара не выдержит интервью в прямом эфире. Все отсняли заранее, у них дома. И нашли видео с Анной-крошкой.

Генри застывает, вспоминая: он держит камеру, Барбара за кадром дает указания. На день рождения собрались друзья, все одеты как на карнавал – в костюмы ковбоев и фей. Громадный шоколадный торт со свечами. «Сними, как она задувает свечи, Генри. Обязательно сними свечи…» Другая Барбара – сияющая и суетливая, счастливая в доме, полном детей, шума и хаоса.

Генри прочищает горло и вновь нагибается погладить Сэмми по голове, чувствуя привычную волну связи. Человека и пса. Человека и пса с землей.

Они дали согласие показать часть того видео – в полиции объяснили, что после трогательных кадров бывает больше звонков. Для чего, собственно, все и устраивали. Первая годовщина, сказали им, это главная возможность подогреть интерес к делу. Найти новые зацепки. Попытаться разыскать мужчин из поезда. Но их с Барбарой очень беспокоила Дженни. Она тоже была на видео, выбранном телепродюсерами, – улыбалась, стоя рядом с сестрой; Барбара и Генри совершенно твердо заявили, что если Дженни почувствует хоть малейшее замешательство, они откажутся и предложат другую запись или попросят затемнить изображение. Однако Генри поразила реакция старшей дочери.

Она словно почувствовала просвет в беспощадных жерновах вины и беспомощности. Ее глаза засияли, она заявила, что совсем не против, чтобы люди увидели ее в костюме феи с крылышками. Боже милостивый. Если б это помогло найти Анну. А потом она отправилась в свою комнату, крикнув, чтобы он шел за ней. В одном шкафу стояли коробки со старыми фотографиями. Дженни принялась разбирать их. Даже хотела позвать полицию. Стопки действительно великолепных фоток. «Помнишь? Мы любили дурачиться в будках фотоавтоматов. Наша шайка. Я, Сара, Анна, Пол и Тим». Дженни нашла снимок – все пятеро корчат рожи – и протянула ему.

Генри втягивает холодный воздух, вспомнив Анну в центре снимка.

«Это отвратительно…»

Он понимал, что полиции эти снимки не пригодятся. И не пригодились. Требовалось только видео. И когда он сообщил несчастной Дженни, что полиция ей очень благодарна – как и папа с мамой – за потраченное на поиски фотографий время, ее глаза вдруг потускнели и стали прежними. Как будто от них осталась только половина.

– Пойдем, Сэмми. Пора.

Снимая в прихожей сапоги, Генри слышит громкий голос жены:

– Точно не хочешь смотреть вместе с нами, Джен? Внизу? По-моему, лучше… Погоди, кажется, папа вернулся.

Он идет по кухне в одних носках.

– Генри, я уже настроила канал и на запись поставила. Нам будут звонить из студии. Сообщать количество звонков.

– Хорошо. Это хорошо.

– Дженнифер по-прежнему твердит, что намерена смотреть в своей комнате. Мне это совсем не нравится, Генри. Попробуешь еще раз с ней поговорить?

– Ты же знаешь, я говорил с ней сегодня утром, милая, и…

– Она вообще не обязана смотреть, если не хочет. Я ей так и сказала. Но если будет смотреть, не хочу, чтобы она была одна. Не понимаю, почему бы не с нами. Нам нужно держаться вместе, правда? Как семья. Вместе.

Генри размышляет, не сказать ли. Ведь очевидно: они больше не семья.

– Милая, Дженни не хочет видеть наших лиц. – Он имеет в виду ее. Лицо жены.

– Не хочет? – Барбара смотрит в зеркало в коридоре и снова – на мужа. – Она так сказала?

– Дорогая, ей даже не надо этого говорить.

Генри продолжает внимательно, очень внимательно глядеть на супругу. Он точно понимает, почему Дженни так тяжело, потому что и ему так же тяжело. Видеть всю глубину – темную и ужасную – в глазах Барбары. Весь день. Каждый день. И неважно, как она старается скрыть все от Дженни надеждой и улыбками. Вырезками о пропавших и найденных. И бесконечной кулинарией.

– Но ты все равно с ней поговоришь? До передачи? – Жена смотрит в пол.

Генри делает шаг и целует ее в лоб. Дежурный поцелуй. Генри даже не трогает жену, потому что знает правила. Нынешние границы. Физическая близость на паузе; а может быть, ушла навеки.

– Только помою руки.

Дженни сидит в комнате на полу, вокруг нее – клочки бумаги. А еще журналы и старые фотоальбомы.

– Мама хотела, чтобы я с тобой еще раз поговорил. – Генри проглядывает альбомы. Множество фотографий двух сестер – как они росли. Вот в одинаковых платьях подружек невесты. Вдвоем в первый день в школе. В последнее время, конечно, большинство фотографий делается в цифре, но Дженни много распечатала – после того как накрылся ноутбук и пропали фотографии за все лето. И с камеры они были стерты. Безвозвратно.

– Да все нормально. Я попросила прийти Пола, Сару и Тима. Можно ведь? То есть мама права, смотреть одной слишком тяжело. Но с мамой я сидеть не могу.

– Господи… – Он глядит на часы. – Просто маме лишние хлопоты, что в доме будет так много чужих людей.

– Да ладно, папа, они не чужие. Они мои друзья.

Генри поджимает губы и смотрит на часы. Еще полтора часа до начала программы. Глубоко вздыхает, пытаясь понять собственную реакцию, прежде чем столкнуться с реакцией жены.

Барбара будет готовить. Бутерброды, пирожные, все прочее. Будет суетиться.

Кто знает, может, ей и вправду помогут все эти хлопоты. По крайней мере, отвлекут.

Странно, что мать Сары, Маргарет, не хочет оставить ее дома, чтобы защитить. Саре пришлось тяжело. Много вопросов без ответа. До сих пор никто не понимает историю о том, как подруги разлучились в Лондоне, и некоторые тычут пальцами.

Впрочем, Генри не слишком их осуждает. Лучше пусть люди сосредоточатся на Саре.

Внизу, пока Барбара ставит тарелки в посудомойку, он объясняет положение дел.

– А, ясно. Понимаю…

– Так что скажешь? Ты не против гостей? Конечно, Дженни должна была сначала обсудить с нами, но я не стал ее ругать. Не сегодня.

Барбара вытирает руки о фартук.

– Не уверена, что это хорошая идея. Нутром чую. То есть понятно, как они все близки… были. – Она выпрямляется и резко вздыхает.

Оба молчат. Теперь никто не знает, какое время использовать.

– Все в последнее время на взводе… – Барбара снимает фартук через голову. – Включая Дженни. Вряд ли ей поможет.

– Дженни хочет собрать друзей.

– Она сама не знает, чего хочет. – Барбара вздыхает. – Хорошо, пускай зовет. – Внезапно бросает фартук на стол. – Будет ужасно в любом случае, кто бы ни находился в доме.

Их разговор прерывает грохот наверху. Дженни топает по спальне – над кухней – и непрерывно кричит в мобильный что-то неразборчивое.

А потом доносится звон разбитого стекла.

Глава 6

Свидетельница

– Вы должны немедленно отнести ее в полицию.

– Ни в коем случае.

– Простите?

Не ожидала от Мэтью Хилла. Новую открытку я вложила в пластиковый файл, взятый из школьной папки Люка. Очень скользкий, с дырочками по краю. Опасные штуки. Однажды я поскользнулась на таком файле, оставленном на полу, и сильно ударилась плечом.

Это послание появилось, как и предыдущие, в простом темном конверте с напечатанным на наклейке адресом. Но оказалось еще более странным и немного более пугающим. Снова на черном фоне наклеенные буквы: «Карма. Ты поплатишься». Сначала я удивилась: при чем тут буддизм, йога или что там еще? Разве все они не о доброте и прощении? Но потом прочитала в Интернете, что некоторые трактуют карму как некую естественную справедливость или расплату – плохие последствия за плохие поступки, – и похолодела…

Надо положить этому конец.

– Я считала, что вы расследуете подобные случаи. Ведь этим занимаются частные сыщики? – Я напряжена, по-прежнему гляжу Мэтью Хиллу прямо в глаза и немного сбита с толку. В его рекламе все было просто. «Частный сыщик в Эксетере. Бывший полицейский». Четко. Ясно. Мне казалось: я расскажу, чего я хочу, и он сделает. Такая у него работа. Как если бы кто-то пришел в мой

магазин. «Букет ко дню рождения, пожалуйста. – Разумеется».

– Послушайте, я слежу за расследованием. Это новая улика. Девушку еще не нашли, а пока идет расследование, я не…

– Поверьте, мистер Хилл, это не улика.

– И вы так считаете, потому что…

Я помолчала, не зная, сколько хочу ему поведать.

– Послушайте. Я знаю, от кого открытка. Она от матери той девушки – Барбары Баллард. Она на меня очень сердита. Нет, это слишком мягко сказано. Она зла на меня, и кто бы стал ее винить. Я-то точно не буду. Сама виновата. Когда появилась первая открытка, я, честно говоря, хотела обратиться в полицию. Я была потрясена, испугана. Когда мое имя попало в прессу, мы пережили серьезное давление. Но теперь я понимаю, в чем дело. Вы просто поговорите с ней. Чтобы прекратила это. Иначе узнает муж и заставит меня пойти в полицию, а я не хочу – ради нее. Ей и так досталось.

– Ну, боюсь, я на стороне вашего мужа. Вы ведь можете и ошибаться.

– Слушайте, она ходит к моему магазину. Уже дважды была. Смотрит на меня через окно. Она не знает, что я вижу. Очевидно…

– Понятно. Когда это началось? – Хилл заинтересовался.

– Мы говорим конфиденциально?

– Разумеется.

– Хорошо – потому что об этом я тоже не стала сообщать. Я действительно виновата. И дело не только в поезде. Я ведь поехала туда, в Корнуолл, прошлым летом. Чтобы встретиться с матерью Анны. Муж просил этого не делать – и был прав. Полная глупость. Теперь я понимаю. Еще одна ошибка. А самая ужасная – то, что я не позвонила… не предупредила семью.

– Вы не сделали ничего дурного, миссис Лонгфилд. Главные подозреваемые – два парня.

– Мне от этого не легче, мистер Хилл…

– Мэтью. Пожалуйста, называйте меня Мэтью.

– Мэтью. Муж без конца повторяет то же самое. Что моей вины нет. Не помогает. Я мучаюсь, оттого что ее так и не нашли.

Внезапно в соседней комнате раздается шипение. Я оборачиваюсь на незакрытую дверь, а Мэтью Хилл встает с извиняющейся улыбкой.

– Хотите кофе, миссис Лонгфилд? Я отлично готовлю капучино.

– Просто Элла. Да, спасибо. Судя по запаху, вы знаете, что делаете. – Я расслабляюсь, плечи опускаются. – Люблю хороший кофе.

– Эспрессо-машина. Импортные бобы – готовлю собственную смесь. У меня прямо пунктик…

Я вздыхаю.

– Извините за резкость. Я очень нервничала, когда шла к вам.

– Как и большинство людей…

Его голос затихает, когда он выходит за дверь – полагаю, в квартиру, смежную с офисом. Отсутствует Хилл довольно долго и наконец появляется с подносом, на котором две чашки кофе и молочник со вспененным молоком.

– Расскажите еще о ее матери. И про поездку в Корнуолл. Расскажите все, не надо ничего скрывать.

– Хорошо. Не знаю, как внимательно вы следили за этим делом… Пресса подняла жуткую шумиху. Центральные газеты наприсылали журналистов. Печатали

высокоморальные заголовки. «Как бы вы поступили» и прочее.

– Да. Я видел статьи. – Мэтью подается вперед, отпивает кофе.

– У меня цветочный магазин. Дошло до того, что его пришлось закрыть на несколько месяцев. Я не могла смотреть людям в лицо. Друзья относились с пониманием, хотя некоторые вели себя странно. И постоянные покупатели. Даже смотрели на меня как-то…

– Сочувствую. Люди бывают злыми.

– О да. Тони – мой муж – просто был в ярости. Я уже говорила, что он очень помог мне. Такой милый – и просто рассвирепел, когда всплыло мое имя…

– А как в точности это произошло?

– Я так до конца и не поняла. Я ездила на конференцию флористов в Южный Лондон. Обучение и построение бизнес-моделей. Официально полиция утверждает, что журналистам просто повезло – они вычислили меня, поскольку из Девона было всего лишь два делегата. Но Тони подозревает преднамеренную утечку – чтобы подогреть интерес прессы.

У Мэтью вытягивается лицо.

– Вы думаете, такое возможно?

– Очень маловероятно. Вряд ли они захотели бы подвергать вас опасности.

– Опасности? Так вы и вправду считаете, что я теперь в опасности?

– Простите. Не хотел вас пугать. Вы не единственная, кто может опознать этих мужчин. Нет. И я в самом деле думаю, что сознательной утечки не было. Вот случайная… другое дело.

– Так или иначе, теперь знают все. Это я – женщина с поезда, которая ничего не сделала.

– Тяжело было?

– Да. Но не сравнить с тем, что пришлось пережить той семье.

– Так зачем вы туда потащились? В Корнуолл?

Поставив чашку на стол, я обхватываю руками голову.

– Да, дикая глупость с моей стороны. Но дело в том, что когда я увидела миссис Баллард у своего магазина – она просто стояла и смотрела на меня, – я сразу узнала ее по снимкам; их было полно в местных газетах. Неважно. У меня мурашки по коже побежали, и я, все обдумав, решила, что лучше попробовать объясниться. Вбила себе в голову, что если поговорю с ней с глазу на глаз, призна?ю, что считаю ее вправе сердиться, что если она поймет, что я тоже мать и как я сочувствую ее горю…

Я прочитала все по лицу Мэтью.

– Да. Полная глупость.

– И она отреагировала плохо?

– Не то слово. Просто обезумела. Теперь-то мне ясно. Я думала только о себе. Воображала, что стоит ей понять, какая я порядочная и как я сожалею…

– Свидетели вашего разговора были?

– Нет. Только мы двое. Я привезла цветы, большой букет примул – я читала, что Анна их очень любила. Теперь ясно, что цветы и стали спусковым крючком. У нее началась истерика. Кричала, что сыта по горло цветами, что мне тут не место. Что я не имею права. Венок, как будто на могилу ее дочери. А она, между прочим, не верит, что дочь мертва.

Мэтью подливает пенистого молока себе в чашку; предлагает и мне.

– Как по-вашему, такое возможно? Что девушка еще жива?

Мэтью сжимает губы.

– Возможно, хотя статистически маловероятно.

– И мы так думаем. Я и Тони…

Мой голос срывается. Мне хотелось бы чувствовать больше надежды. Вспоминаю недавний телефильм – там пропавших девушек нашли годы спустя. Пытаюсь представить себе Анну, выходящую из подвала или укрытия, завернутую в полицейское одеяло, но не вижу картинку целиком. Кашляю, отвернувшись к стене каталожных ящиков.

– Так вот. В Корнуолле было жутко. Я хотела уйти – извинилась, что побеспокоила. А она сорвалась.

– В физическом смысле?

– Она была сама не своя.

– Она вас ударила, Элла? Если ударила, если она психически неустойчива, вы действительно обязаны пойти в полицию. Они должны знать.

– Она не хотела. А стычка на крыльце – несчастный случай. Маленький синяк у меня на руке.

Мэтью снова качает головой.

– Да ради всего святого! Я сама виновата. Она не вспыльчивая. Мне не стоило появляться там и провоцировать ее. Я, конечно, понимала, что она винит меня, но такая ненависть… Ее глаза…

– И поэтому вы считаете, что открытки шлет мать Анны.

– А вы не считаете?

Он пожимает плечами.

– Жаль, что вы не сохранили все открытки.

– Извините. Мне не хотелось беспокоить мужа. Его ожидает повышение на работе, так что хлопот полон рот. Послушайте, мистер Хилл… извините – Мэтью. Если вы не возьметесь, я их сожгу. В полицию я не пойду.

Мэтью пристально смотрит на меня.

– Я хотела бы, Мэтью, чтобы вы к ней съездили. Вы – лицо незаинтересованное и человек опытный в подобных делах. Надеюсь, что вы сможете все прекратить, не причинив ей лишних страданий. Мягко предупредите ее, не привлекая полицию и не ухудшая ее положения.

– А если вы все поняли неправильно и она ни при чем? Просто мать, у которой сдают нервы?

– Ну тогда я буду думать дальше. И прислушаюсь к вашему совету.

– Хорошо, Элла, договорились. Я съезжу к миссис Баллард, попробую разобраться в ситуации – и если у меня останутся сомнения, вы подумаете о том, чтобы передать все в полицию. Так?

– Вы же не считаете всерьез, что это связано с расследованием?

– Совершенно откровенно – скорее всего, нет. Если не мать, то, скорее всего, какой-то ушлепок. Однако следователям нужно сообщить… Ладно. Решим, когда я съезжу в Корнуолл. – Мэтью встает и хмурится. – Полагаю, вы слышали новости, Элла? Утром.

– Простите?

– Утром, по местному радио. После телеобращения по поводу годовщины.

– Нет. Какие новости? Появился кто-то еще? Я пропустила. Что случилось?

Мэтью морщится.

– Имя они, конечно, не назвали. Но я так понимаю, что речь о второй девушке. Из поезда. О подруге.

– Сара. Ее зовут Сара. Что вы имеете в виду? Что случилось с Сарой?

Глава 7

Подруга

Сара опять делает вид, что спит. Впрочем, теперь притворяться сложнее. Нужно обманывать не только мать, но и медсестер.

– Ну давай же, Сара. Ты должна немного попить. Давай. – Медсестра ласково треплет ее по руке.

Уходите. Уходите.

– Почему вы не поставите капельницу? – Мать кудахтала, суетилась и плакала у кровати почти всю ночь. – Она ужасно выглядит! Даже сесть не может.

– Поверьте, для самой Сары лучше не засыпать.

Все происходило в БИТ – блоке интенсивной терапии. Они хотели точно знать, сколько таблеток она приняла. Сара прислушивалась к разговору медперсонала с матерью. Явно проводятся анализы, чтобы определить количество принятых таблеток, но на это требуется время, и будет гораздо проще, объясняли они, если Сара просто ответит.

Сару охватывает такая усталость и оцепенение, что на чувство вины нет сил. Она уже умаялась чувствовать вину – и хочет только, чтобы ее оставили в покое.

Мать рассказывает медсестрам, что в последний раз они попадали в больницу с подозрением на астму, когда Сара была в начальной школе. И родителям позволяли спать в игровой комнате рядом с детской палатой. Они спали на

матрасах прямо на полу, хотя некоторым досталась роскошь – раскладушки.

Теперь нет ни матрасов, ни кровати. Маргарет провела ночь как привидение – каждые несколько часов прохаживалась, чтобы размять ноги, от зеленого пластикового кресла у кровати Сары до закрытого кафетерия с мутным кофе и закусками из автомата.

Хотя теперь Сару тошнит меньше, говорить она все равно не хочет.

«Сколько таблеток, Сара? Нам нужно знать сколько».

– Я не держу в доме много лекарств. Парацетамол. Две полных пачки, – наверное, в десятый раз повторяет мать Сары.

А по правде? Сара не помнит, сколько таблеток выпила. Купила в магазинчике на углу, а потом еще в супермаркете. Есть тупые правила – сколько можно покупать в одном месте.

Всё из-за телепередачи. Новые свидетели. Тупая сучка с поезда.

Она без устали повторяла полиции и родителям, что все это гнусная ложь. Секс в туалете? С первым встречным? За кого они ее принимают? Как они смеют?

А потом запаниковала. Что, если после телепередачи объявятся новые свидетели? Когда затих бурный всплеск эмоций сразу после исчезновения Анны, дело потихоньку затихло. Разумеется, Сара хочет, чтобы люди помогали полиции; разумеется, хочет, чтобы Анну нашли. Не хочет только, чтобы открылась правда о ее роли во всем этом. Нет. Пожалуйста, не надо…

– Вам не кажется, что стоит снова позвать врача?

– Я выполняю четкие указания доктора. Пожалуйста, не тревожьтесь. Сару больше не тошнит, теперь надо уговорить ее попить. Поверьте, для ее же блага. Тогда мы лучше будем понимать, где мы.

– Что значит «где мы»? – встревоженно спрашивает мать.

– Перестаньте, – не выдерживает Сара. Она шепчет еле слышно. – Просто замолчите, пожалуйста. Все.

– Ну вот и она. Умница. Сара. Давай. Открой глазки, и попробуем сесть, хорошо? Скоро придут результаты анализов. Чтобы понять, как твои дела. Но было бы гораздо лучше…

– Я не знаю, сколько приняла. Понятно? Просто не знаю.

– Оставьте ее в покое. Пожалуйста. – Мать начинает плакать, и Сара чувствует слезы и на своих щеках. Жаль, что Лили тут нет, но матери об этом говорить не надо. Еще одна запретная тема.

– Простите…

– Тебе не за что извиняться, милая. Все будет хорошо. Все будет прекрасно. Обещаю. Все шлют горячие приветы. Родители Анны. Дженни, и Пол, и Тим, и все. Желают тебе поправляться.

Сара закрывает глаза. Наверняка неправда. Они винят ее. Они так и сказали.

Вечером накануне ужасной телепрограммы все они собрались, вроде как чтобы поддержать ее, однако всё пошло наперекосяк. Парни разошлись не на шутку. Дженни плакала.

Дело в том, что в Лондон они должны были поехать все. Впятером. Анна и Сара – праздновать прощание со школой и школьной формой; а старшие – просто развлечься. И опять не получилось. Люди такие ненадежные…

Раньше все было иначе. Разница в возрасте казалась совершенно неважной. Дженни и мальчики учились на два класса старше – ну и что? А в средней школе, когда старшие начали подрабатывать, изменилось все. У них вдруг стало больше денег. Они хотели другого. И начали срывать планы.

Сара терпеть не могла тех, кто подводит других; так она и кричала во время ссоры. «Если б вы только не были такими эгоистами, не считались лишь со своими желаниями, может, мне и не пришлось бы следить за Анной в Лондоне

одной».

Первым отказался от поездки Пол. Ему предложили пожить неделю в Греции на родительской вилле с бассейном. Следующим откололся Тим. Он без ума от пеших походов. Его позвали в недельное путешествие по Шотландии, и он мечтал посмотреть музей лохнесского чудовища. И не желал быть единственным парнем в девчачьей поездке.

А потом Дженни уехала на выступление группы с ее тогдашним бойфрендом. И остались Сара и Анна.

«Ты должна была присматривать за ней… – Парни были в ярости. – Мы не понимаем, как это вы разделились…» Дженни подлила масла в огонь: мол, почему не договорились, как обычно. «Это же Лондон, бога ради…»

Сара мечтала, чтобы они наконец заткнулись. В любом случае почему именно она должна была приглядывать за Анной? Почему не наоборот, а? Потому что Сара деревенская и у нее должно быть больше здравого смысла? Потому что Анне можно быть принцессой? Так, что ли?

Конечно, у них был уговор. И именно Анна его нарушила, кричала она им. Всем. Тиму с его эгоистичным походом. Полу с его распрекрасной виллой. Дженни с ее гастролями. Она наврала им, как врала полиции.

«Мы договорились, что встретимся в баре в два часа ночи и поедем в отель на такси. Она так и не пришла».

«Анна нарушила уговор, ясно? Анна не пришла…»

«Я вам говорила. Говорила. Говорила».

Мать пыталась успокоить ее после телепередачи. Женщине с поезда не должны были позволять делать такие заявления. Да еще по телевизору. Это была клевета. Вообще тетка явно какая-то ненормальная…

Но Сара окаменела. Что, если объявятся другие свидетели? С поезда или из клуба.

Вспомнилась реакция отца в лондонском отеле «Парадиз». Сначала она не желала с ним говорить. Он ушел из семьи много лет назад, и Сара отказывалась иметь с ним дело. Отец буквально обезумел, когда детектив-инспектор рассказал то, что сообщила свидетельница.

«Вы называете мою дочь шлюхой?»

Сара сидела дома перед телевизором, с ужасом ожидая, что произойдет. Сначала она собиралась поехать к Дженни, в фермерский дом. Все друзья должны были собраться вместе. Потом в голове начали вспыхивать картинки. Клуб. Беспокойство, когда она взглянула на часы… Ссора с Анной. «Не будь ребенком…»

Она рассказала полиции не все, а теперь, год спустя, не могла точно вспомнить, что говорила, а чего не говорила. Не дай бог сейчас, когда принялись заново ворошить прошлое, ошибется и скажет не то.

Поэтому Сара принесла таблетки в ванную. Не то чтобы она приняла твердое решение покончить с собой. Никакой трагедии, ничего черно-белого. Она просто хотела избавиться от паники, от ожидания телепрограммы. От неведения, что еще удалось выяснить…

Медсестра помогает ей сесть, подкладывая подушки за спину. В палату входит еще одна медсестра – в халате другого цвета. Она постарше, выглядит солиднее и разговаривает с матерью Сары. Зловещий шепот. Что-то про анализы…

– Вас ожидает доктор.

– Зачем? Что случилось?

– Вам лучше пройти сюда. Пожалуйста, миссис Хэдли.

Глава 8

Частный детектив

По дороге к Корнуоллу Мэтью дважды звонит домой.

– Это просто схватки Брэкстона-Хикса[2 - Схватки Брэкстона-Хикса – ложные схватки, появляющиеся у некоторых женщин после 20-й недели беременности.], Мэтт. Позвоню, если будет что-то новое. Всё нормально.

– Я могу вернуться. Хочешь, побуду дома с тобой? Если ты хоть чуть волнуешься.

– Всё в порядке.

У Салли пошел девятый месяц, и она уверяет, что в этих схватках нет ничего опасного. Все совершенно нормально. Но для Мэтью не осталось ничего нормального. Все вокруг стало пугающе ненормальным после сюрреалистических занятий для будущих родителей. Господи. Почему друзья его не предупредили?

«Ты точно не хочешь делать кесарево, Салли? Некоторые говорят, что это гораздо безопаснее. Стыдиться нечего».

«Тебе страшно, Мэтт? Извини. Уже поздновато трусить».

Они переговаривались шепотом – Салли сидела на йоговском коврике в серых тренировочных штанах и черной футболке, а Мэтт, под руководством инструктора, массировал ей спину, думая, как мило и при этом смешно она выглядит. Сзади она казалась прежней, худенькой… Если б только не громадный пузырь на животе.

На занятиях все завидовали Салли. «Как тебе удалось не распухнуть повсюду?» Остальные демонстрировали раздутые лодыжки, раздутые коленки, щипали жир на спине и на руках.

«Бог его знает. Жру, как лошадь».

Мэтью действительно прежде не видел, чтобы жена столько наворачивала. Бутерброды с рыбными палочками – майонез и соленые огурцы. Пукала она в эти дни очень вонюче.

«Отвянь, Мэтт, я не пукаю. Я – богиня беременности».

Мэтт еще раз проверяет телефон и улыбается. Теперь Салли пукает даже во сне. Телефон подтверждает громкий сигнал. Сообщения нет. Позвонить еще раз?

Нет. Остынь, парень. Она и в прошлый раз ощетинилась. Все будет просто замечательно. Недолго осталось.

Мэтью сверяется с навигатором – до фермы Баллардов меньше четверти мили – и заезжает на автостоянку. Мел уже должна быть в офисе. Хорошо.

Детектив-сержант Мелани Сандерс – надо надеяться, в скором времени детектив-инспектор Мелани Сандерс, – лучший друг Мэтью в полиции. Когда-то – миллион лет назад – он всерьез увлекся, надеялся на что-то большее. Но все это история. И Салли в курсе. Темных пятен не осталось.

Впрочем, не совсем. Он не рассказал Салли, что иногда ощущает странное чувство в животе, разговаривая с Мел. Не страсть; этого больше нет. Просто чувство, которое напоминает совсем о других временах, о совсем другом Мэтью.

Уже три года, как он ушел из полиции, и, надо признаться, до сих пор пытается привыкнуть.

Мэтью нажимает кнопку, слушает гудки.

– Детектив-сержант Мелани Сандерс.

– Сколько кофе ты выпила?

– Мэтт?

– Я повешу трубку и перезвоню позже, если ты еще не получила вторую порцию кофеина.

Она смеется.

– Надеюсь, ты не будешь просить об очередном одолжении.

– Конечно, буду. Но обещаю: ты мне – я тебе.

– Как всегда, Мэтт. Сначала я тебе. А потом опять я тебе.

Теперь смеется он.

– Серьезно. Ты слышала о пропавшей девочке Баллардов?

– От коллеги. Кэти из нашей команды прикрепили к этой семье. Получаем новости из Лондона – когда столичных можно побеспокоить. То есть не часто. Между нами, инспектор на этом деле – просто мелкий задавака. А что?

– Кто-нибудь из семьи замешан, по твоим сведениям? Мама и папа вне подозрений?

– А тебе-то с какой стати знать?

– Просто так.

– Лучше не суйся, Мэтт. Всем нам известно, где…

– Не беспокойся. Если что-то будет для тебя, обещаю, вот те истинный крест…

– И пальцы за спиной скрестил.

Оба ненадолго замолкают.

Каждый раз, как они беседуют, Мелани пытается уговорить его передумать. Вернуться в органы. Она уверена, что это возможно, сколько бы воды ни утекло, и клянется, что, получив высокую должность, его дожмет. А Мэтт всегда оборачивает разговор в шутку, и в итоге они замолкают, дойдя до тупика. Обоим все ясно. Она считает, что он растрачивает талант. А он боится слишком много об этом думать.

– Ладно. Я ничего тебе не говорила, Мэтт, но ходят слухи, что брак родителей не слишком счастливый. Чему тут удивляться… Впрочем, у родных есть алиби. Мы за ними лишь приглядываем. Инспектор – я говорила, что он снисходительный придурок? – нацелен на поиск парней из поезда. Между нами – напортачили, как всегда, в переговорах с европейскими коллегами.

– Так, значит, они за границей?

– Почти наверняка. Здесь вообще никаких зацепок. Никаких улик и ничего полезного с камер наблюдения. Столичные обидчивы. Не сразу притормозили на границе. Однако телеобращение, приуроченное к годовщине, похоже, дало несколько звонков. Нам всего не говорят, но я поднажму. Надеюсь, скоро скажу больше. А тебе-то зачем?

– Ни за чем. Значит, скоро встретимся за кофе. Я тебе напишу.

– Ты действительно лезешь в открытое дело?

– Кто? Я?

Она смеется.

– Ладно. Пока трубку не повесил – как там Салли?

– Пукает солеными огурцами. Поверь мне: беременность – вонючее дело. А если серьезно – она молодец. Красива и безмятежна, как всегда, вот только огурцы… Скоро напишу про кофе.

Все еще слыша ее смех, Мэтью отключается и снова проверяет время на навигаторе.

До фермерского дома Баллардов – полмили однополосной дороги. Странная бетонная колея песчаного цвета возвышается над обочиной, и Мэтью не может не задуматься, что делать, если появится встречная машина. На всей дороге можно разминуться лишь в двух местах. Мэтью очень любит свою машину и представляет, каковы будут последствия, если колесо скользнет с бетонной плиты. Беды не оберешься. Вот что значит «на отшибе».

В конце концов он подъезжает к дому. Жилище впечатляющее: двойной фасад укрыт вьющимися растениями – вне всякого сомнения, волшебными в цвету, хотя Мэтью не садовник и названий не знает. Перед домом недоделанная дорожка расширяется в нормальную дорогу, с большим разворотным кольцом; сбоку впечатляющая лужайка и еще одна дорога, ведущая к далеким амбарам. Мэтью тормозит под деревом напротив входной двери и убирает ключи в карман. Запираться здесь не нужно.

Дверь, к счастью, открывает сама миссис Баллард. На ней непременный фартук в цветочек. Мэтью сразу чувствует себя виноватым – он вынужден глядеть в эти глаза.

– Если вы журналист, то нам нечего больше сказать – до ночного бдения.

– Я не журналист. Мы можем пройти в дом, миссис Баллард?

Иногда это срабатывает. Уверенность и официальный тон. Как у человека, имеющего право.

– А вы кто?

Иногда не срабатывает.

– Я частный детектив, миссис Баллард, и я изучаю материалы, связанные с пропажей вашей дочери.

Выражение лица женщины меняется. От настороженности к удивлению – и новой надежде, такой неуместной, что Мэтью снова чувствует вину.

– Не понимаю. Частный детектив. Так чем вы занимаетесь?

– Может, нам все же лучше поговорить внутри? Пожалуйста…

В коридоре они неловко останавливаются, и Мэтью бросает взгляд на вазы с цветами – как минимум четыре на узком столе под большим зеркалом.

– Не хочу, чтобы люди их присылали. Цветы. Но они от души. У нас будет ночное бдение при свечах – по поводу годовщины… – Она осекается и с усилием берет себя в руки. – Так я не понимаю, мистер…

– Хилл. Мэтью Хилл.

– Вы в частном порядке расследуете исчезновение моей дочери? Но с какой стати? Над этим работает целая команда в Лондоне. К вам обратился мой муж?

– Нет, миссис Баллард. Ко мне обратился человек, затронутый расследованием и получающий неприятные послания. И я хочу лишь прекратить это, чтобы все ресурсы были направлены туда, куда нужно. На поиски вашей дочери.

– Неприятные послания?

– Мы могли бы присесть на минутку?

Она ведет его на кухню. Снова обязательный штамп – громадная синяя плита AGA, на которой сохнут носки. Миссис Баллард теперь явно нервничает, сложив подвижные пальцы на коленях. Никаких напитков она не предлагает.

– Я так понимаю, вы сами не получали неприятных посланий?

– Нет. Напротив. Много славных писем от совершенно незнакомых людей. Несколько дурацких, признаюсь, но от них нет проблем. Все письма мы показываем офицеру по связи с семьей – Кэти. Она постоянно с нами на связи. Так кто получает эти письма? Надеюсь, не Сара… Вам известно, что она в больнице?

– Подруга вашей дочери по поездке?

– Да. Я была у нее утром. В больнице. Ждут результатов анализов. Ужасно. Ужасно. Ее мать совершенно расклеилась. Да и все мы. Словно и без того недостаточно… Так в этом все дело? Гадкие письма Саре?

– Нет. Не ей. – Мэтью смотрит Барбаре Баллард прямо в глаза, ища беспокойство. Нет. Она не отводит глаз. В них только боль загнанной жертвы.

– Я понимаю, что вам будет тяжело, миссис Баллард. Но эту почту получает свидетельница с поезда. Элла Лонгфилд.

– А. – Выражение лица меняется мгновенно, как и ее тон. – Эта женщина.

– Да. Мне известно от миссис Лонгфилд о ваших к ней чувствах, и, уверяю вас, у меня нет ни малейшего намерения добавлять вам неприятностей и ворошить все это. Но Элла очень хочет прекратить поток посланий, не подключая полицию. Не хочет их отвлекать. От главной задачи. Поиска Анны.

– Поздновато она.

– Сочувствую.

Миссис Баллард пожимает плечами.

– Послушайте, я понимаю, как вам тяжело. Но я сам служил в полиции. И уверен: лучшие люди стараются изо всех сил. И обращение по поводу годовщины. Обычно телеобращение помогает…

Она не клюет.

– Эти письма – что бы там ни было… Вам лучше поговорить с моим мужем. – Она встает. – Он не всегда слышит мобильный, и телефон плохо ловит, но я попробую позвонить ему, если хотите.

– Не стоит его беспокоить. Значит, вы не знаете никого, кто мог бы отправлять неприятные послания миссис Лонгфилд? Кто-то знакомый, кто особенно потрясен произошедшим. Вел сердитые разговоры. О том, что она…

– Все потрясены, мистер Хилл. Мою дочь так и не нашли. Ночное бдение состоится завтра. А теперь, если позволите… – Она запоздало спохватывается и строго замолкает, видимо решив, что вообще не обязана с ним разговаривать.

По опыту Мэтью знает, что такое решение обычно незамедлительно выливается в гнев. Он протягивает карточку, которую она принимает и, поколебавшись лишь

мгновение, прячет в карман фартука.

– Вы рассказали полиции об этих посланиях? – Миссис Баллард по-прежнему смотрит ему в глаза.

– А почему вы спрашиваете?

Она не отвечает.

– Хорошо. Если услышите о чем-то, что покажется вам относящимся к делу, позвоните? Да?

Она кивает.

– На самом деле миссис Лонгфилд придется пойти в полицию, если послания не прекратятся. А она не хочет обращаться в полицию, считая, что и без того у всех довольно хлопот.

– Неужели?

Мэтью сжимает губы и кивает на прощание.

Снаружи он чувствует: миссис Баллард следит, как он заводит машину, разворачивается и снова выезжает на узкую дорогу.

Мэтью проверяет экран телефона. От Салли – ничего. Он велит себе не оборачиваться. Не поддаваться. И едет дальше, ведя машину очень осторожно и пытаясь стереть из памяти взгляд Барбары Баллард.

Глава 9

Отец

Подъезжавшую к дому машину Генри увидел, когда проверял овец на самом высоком поле фермы, открытом всем ветрам. Под яростными порывами он застегнул куртку до самого подбородка.

С этой частью фермы всегда были сложности. Добраться туда можно только на квадроцикле, а с квадроциклом в горах у Генри то и дело случались приключения. Он несколько раз чуть не перевернулся. Однажды на очень крутом подъеме ему всерьез показалось, что чертова машина сейчас полетит кувырком. Два колеса оторвались от земли, и Генри ощутил, как смещается вес тяжелого аппарата. Было в точности как рассказывают – вся жизнь пролетела перед глазами.

И голос Анны. «Это отвратительно…»

Происшествие с квадроциклом так напугало его, что он немедленно отправился домой, в кабинет рядом с прихожей, и вышел в Интернет, чтобы повысить стоимость страховки. Потом по этому поводу состоялся страшный скандал с Барбарой.

– Мы не можем платить по страховке больше, Генри. И зачем? Не будь таким мнительным!

Он пообещал отменить дополнительные выплаты, а про себя начал думать, не принять ли предложение от соседней фермы – они готовы были забрать неудобные поля, которые лучше подходили их скоту. Но тут взыграла гордость. Генри все еще считал себя настоящим фермером, а не турагентом.

Теперь он наблюдает, как машина едет прочь – водителю явно неудобно на их дороге. Едет медленно. Генри решил не сдавать в аренду и не продавать больше ни клочка земли, которую таким трудом добыли его отец и дед. Что из того, что туризм выгоднее? Летние домики. Лагерь. В душе Генри по-прежнему фермер и поэтому заботится о своих немногочисленных овцах и коровах. Он не узнал мужчину, приезжавшего в дом. Высокий и худой, а лица с такого расстояния не разглядеть. На мгновение Генри думает, не полиция ли, ощущая привычный прилив адреналина.

Прошел год, и Генри, в отличие от жены, не ждет, что дочь вернется живой.

Ага, на дорогу выходит Барбара – проверяет, что визитер уехал. Он уже решает, что нужно спуститься и выяснить, что, черт побери, происходит, когда слышит блеяние за спиной. Повернувшись, Генри видит, как две овцы, скользя по грязи на нижнем краю поля, сползают к потоку. Проклятье, надо спуститься и перегнать их повыше – на безопасный участок.

На промокшей насквозь земле это занимает очень много времени.

Тупые овцы. Безмозглые.

Он подзывает Сэмми, поджавшего хвост. Даже пес не любит это поле и смотрит на Генри как на психа. «Что мы тут делаем? Ты нормальный – тащить сюда квадроцикл?»

Наконец с помощью Сэмми удается отогнать заблудших овец и остальное стадо на участок повыше. Генри ведет их дальше, через ворота на соседнее поле – трава там пожиже, зато ночью безопаснее. Запирает ворота, зовет Сэмми к ноге и наконец направляется по боковой аллее к дому.

Это Аллея Примул. В детстве ее очень любила Анна – из-за высоких живых изгородей; с удовольствием собирала букетики полевых цветов.

«Папа, давай, кто быстрее!»

Генри закрывает глаза, наслаждаясь приятными воспоминаниями, и стоит неподвижно. Он видит дочку в розовой дутой куртке, в розовой шапке с помпончиками и в розовых перчатках. «Давай, папа! Я тебя обгоню!» И букетик примул в руке.

Только ощутив, как Сэмми тычется носом ему в ногу, Генри открывает глаза.

Все хорошо, малыш. Все хорошо. Он гладит голову пса, глубоко вздыхает и идет домой.

В прихожей снимает сапоги, приказав колли, вымазавшейся в грязи, ждать.

– Кто к нам приезжал?

Бледная Барбара выходит с кухни, вытирая руки о фартук.

– Частный детектив.

– Какого черта понадобилось тут частному детективу?

– Он говорит, что Элла – та женщина из цветочного магазина – получает подметные послания.

– И что?

– Не в социальных сетях. Настоящие письма или открытки. Доставляют домой. Гадко.

– А мы тут каким боком?

– По-моему, частный сыщик решил, что их посылала я.

– Он тебя обвинял?

– На словах нет, но смысл был таков. Как будто одолжение мне делает. Предупреждает.

Генри молчит, прищурившись.

– И пока ты не спросил: нет, я их не посылала.

– Ладно, надеюсь, ты сказала ему, чтобы больше не приезжал. Может, позвонить Кэти? Или лондонской команде?

– Незачем. Я попросила его не возвращаться.

– И ты больше ничего не говорила? Никаких глупостей, Барбара? Обо мне?

Она серьезно смотрит на него. Не мигая, холодными глазами.

Генри чувствует, как учащается его пульс.

– Нет, Генри. Я не говорила никаких глупостей.

Он садится на старую церковную скамью, которая служит лавкой в прихожей.

– Дженни дома?

– Поехала в город. Хочет новое пальто на ночное бдение. Что-нибудь теплое и элегантное.

Генри с самого начала очень ясно заявил, как относится к этому ночному бдению. Он не религиозный человек. Идею подал местный викарий. Молитвы и свечи по поводу годовщины. Изначально назначили на четверг… ровно год, день в день. Но когда подтвердилась реконструкция по телевизору, решили перенести на субботу. И людям удобнее – выходной.

Барбара задирает подбородок.

– Мать Сары надеется, что мы сможем отложить бдение, пока Сара не поправится, чтобы присутствовать. Я сказала, что идея не очень удачная и Саре нужно заниматься только здоровьем. Думаю, все устроим, как планировали.

– Ты по-прежнему считаешь затею стоящей?

– Не знаю, Генри. Но люди были так добры, и они как будто ждут чего-то… Журналисты будут фотографировать – это поддержит интерес публики. По словам Кэти, нам важно поддерживать интерес публики.

– А как Сара? Утверждает, что это случайность – с таблетками?

Никто не сочтет передоз случайностью, думает Генри. Хотел бы он относиться к Саре с большим сочувствием, да только не получается.

Глава 10

Свидетельница

– Я сам заварю чай, милая. Отдышись хоть десять минут!

Слышу голос мужа, но не оборачиваюсь. С верхней ступени лестницы гляжу, не отводя глаз, на почту на коврике перед дверью. И среди счетов и писем вижу знакомый черный конверт. Теперь адрес напечатан на кремовой наклейке.

– Я прекрасно себя чувствую. Правда. Ты же знаешь: не люблю присаживаться. – Я спускаюсь, хватаю письма с пола, сжимаю их в руках, ощущая в конверте плотную открытку, и запихиваю ее в середину, пока Тони спускается по ступенькам.

– Ты точно в порядке, Элла?

– Как насчет бутербродов с грудинкой? Скажи Люку: пятнадцать минут. Пропустит автобус, если не поторопится. – Я чувствую, как колотится в груди сердце, и специально не гляжусь в зеркало в холле – не хочу видеть улику: покрасневшие щеки.

Я действительно думала, что, обратившись к Мэтью, все прекращу; честно считала, что не придется беспокоить Тони, который и так всем этим сыт по горло.

На кухне просматриваю почту и отбираю для Тони рассылки из винного клуба и банка. Знаю, что должна рассказать ему, и уже дала себе слово, что скоро расскажу. Очень скоро. Как только поговорю с Мэтью. Но Тони снова расстроится, а он просто завален работой – его ждет повышение. И мне плохо, поскольку он ясно предупреждал меня – не ездить в Корнуолл. Господи… Я так надеялась, что Мэтью разберется с этим делом.

– Что-нибудь стоящее? – Тони смотрит на почту у меня в руках.

– Страховая компания. Скидка при страховке нескольких автомобилей.

Тони корчит гримасу и отворачивается, а я включаю печку и начинаю возиться с хлебом и грудинкой. И тут звонит телефон.

– Возьму, – говорю я. Неужели Мэтью? Я ведь, кажется, просила его звонить в магазин.

– Элла, что-то происходит, а ты не говоришь – что.

– Не сейчас, Тони. Пожалуйста. Все хорошо. – Черт. Если это не мать из Корнуолла, придется нести открытки в полицию. И рассказать Тони.

Одной рукой открывая новую упаковку грудинки, второй беру трубку, намереваясь сказать Мэтью, чтобы перезвонил позже, в магазин.

– Это мама Люка?

– Да, Элла Лонгфилд. Кто говорит?

– Ребекка Хильер, мама Эмили. Я хотела подтвердить договоренность. О встрече.

– Встрече? Боюсь, я не понимаю…

Долгое молчание.

– Люк с вами не говорил?

– Нет. Что-то произошло?

– Послушайте, я ни в коем случае не буду обсуждать это по телефону. Люку я ясно дала это понять. Так вы свободны в эту субботу или нет?

Тони одними губами спрашивает: кто это? В чем дело?

– Ну… Мой муж играет с друзьями в покер, так что…

– Значит, в субботу. Вечером, в половине восьмого. У нас. Люк знает адрес.

И вешает трубку.

– Очень странно. Даже грубо. Позовешь Люка?

– Что происходит?

– Сама не понимаю.

Я начинаю укладывать шесть кусочков грудинки на противень, поворачивая друг к другу спинками. Пока Тони топает по лестнице, быстро открываю ужасный конверт.

«Следи за собой. Я слежу…»

– Элла! По-моему, тебе лучше подняться сюда.

Боже милостивый…

В комнате Люка я сразу понимаю, что все плохо, что ужас переметнулся с открытки на моего сына. Последнюю пару недель он выходит из дому все позже и позже. Три или четыре раза опаздывал на школьный автобус. Из школы написали, что он не выполняет домашнюю работу. Предложили встретиться с наставником. Я хотела сходить, но столько всего навалилось…

– Какого черта тут творится, Люк? – Тони пока что сердится, а не переживает.

Люк свернулся под одеялом; со вчерашнего дня не раздевался. В джинсах и сине-зеленой толстовке. Потный. Вонючий.

– Ты простудился? Заболел? – Я пытаюсь говорить спокойно. Чувствую вину, что не уследила.

– Давай, говори, Люк. Что за дела? – Тони раздвигает шторы.

Сын смотрит темными полуприкрытыми глазами, молчит.

– Я только что говорила с матерью Эмили по телефону. Про какую-то встречу. Похоже, она думала, что я в курсе. Что за встреча, Люк? – Я стараюсь не повышать голос.

Он по-прежнему молчит.

– Люк, в чем дело? – Я впадаю в панику. Наркотики? Воровство? Неприятности с полицией? Нет. Только не мой Люк, точно. Мой отличник, который шел прямой дорогой в Оксфорд-Кембридж, не считая этой ерунды в последнее время. Временный заскок, уверен Тони. Маленький мятеж, потому что выпускной год оказался куда сложнее, чем все представляли. Может, его уже тошнит от экзаменов? Так ведь?

– Пожалуйста, Люк. Расскажи нам, что происходит. Мы постараемся помочь. – Тони старается говорить мягче.

И тут Люк поражает нас обоих – принимается плакать. На него волнами накатывают рыдания. Детские слезы, нелепые и театральные, и в то же время такие пугающие у этого полностью одетого парня ростом шесть футов два дюйма, в синей дутой куртке.

Я сразу понимаю две вещи. Что происшествие очень серьезное и что я слишком отвлеклась на историю Анны Баллард.

Глава 11

Отец

Генри переводит трактор на задний ход. На порог дома выходит Барбара.

– Какого черта ты затеял, Генри?

– Готовлю все к твоему ночному бдению.

– Моему бдению?

– Ну уж точно не я его придумал.

Несколько минут она смотрит, как он гоняет трактор. Сердитые, резкие движения: туда-сюда.

– Все равно не понимаю, что ты делаешь.

– Раскладываю тюки соломы. Чтобы можно было сесть.

– Люди не захотят садиться. Они придут ненадолго.

– Люди всегда хотят садиться. Придут старики – им нужно присесть, Барб. Стулья лучше не выносить. Нечего устраиваться с удобством, а то мы от них в жизни не избавимся.

– Не будь смешным.

Генри вообще был против этого дурацкого ночного бдения. Прошлой ночью они снова шепотом спорили по этому поводу. Можно все устроить перед домом, сказала Барбара, когда пришел викарий. Генри совершенно определенно заявил, что не поддержит ничего церковного – ничего, напоминающего поминальную службу.

Но викарий объяснил, что идея бдения – совершенно противоположная. Люди хотят показать, что не сдались. Что продолжают поддерживать семью. Молиться за благополучное возвращение Анны. Барбара была в восторге и со всем соглашалась. Маленькое событие у дома. Люди пройдут от деревни или парка в промышленной зоне – по дороге.

– Это была твоя идея, Барбара.

– Вообще-то викария. Люди просто хотят выразить поддержку.

– Все это мерзко, Барб.

Он снова ведет трактор по двору, подвозит еще два тюка соломы.

– Вот. Теперь хватит.

Глядя на жену, Генри не понимает, как они дошли до такого. Не только после исчезновения Анны, а за все двадцать два года брака. Неужели все браки кончаются так? Или просто он плохой человек?

Когда Барбара убирает волосы за уши и задирает подбородок, по-прежнему видны полные губы, идеальные зубы и высокие скулы, которые когда-то свели Генри с ума. Хорошо бы отмотать все назад, к Балу молодых фермеров, где она пахла так божественно, где все казалось простым и многообещающим.

Он мечтает вернуться назад и предпринять еще одну попытку. И использовать ее правильно. Сделать все лучше.

Слышен голос Анны в машине. «Это отвратительно, папа».

Генри хочет, чтобы голос замолчал. Отмотался обратно – в то время, когда Анна была крошкой и любила его, собирала букетики на Аллее Примул. Когда он был ее героем.

Барбара смотрит через двор на жаровню.

– Ты хочешь зажечь огонь?

– Будет холодно. Да.

– Спасибо. Я приготовлю суп в кружках. – Молчание. – Ты правда считаешь ночное бдение ошибкой, Генри? Я не сообразила, что это так тебя расстроит. Прости.

– Все нормально, Барбара. Давай теперь сделаем все как нужно.

Он дает задний ход, выводит трактор со двора и загоняет на место в сарае. В полутьме сердце наконец начинает успокаиваться.

Как запасной вариант, ночное бдение могло пройти под крышей сарая – если бы погода испортилась. Однако день выдался хороший, холодно, но небо ясное, так что все состоится на улице. Да, хорошо бы холод быстро погнал всех по домам…

Генри решает посидеть здесь, в сарае, еще. Он вообще не хочет двигаться.

* * *

Так проходит целый час. Дженни заходит на кухню проведать мать, как раз когда Генри снимает сапоги в прихожей.

– Ты справишься, мама?

Барбара помешивает суп в двух больших кастрюлях.

– Все нормально. Только я же не знаю, сколько народу придет.

Генри смотрит ей в спину.

– Прости за то, что наговорил… Я на взводе.

– Все хорошо. – Она не оборачивается посмотреть на него, но касается плеча Джен, словно для поддержки. – А как дела у Сары?

Джен глубоко вздыхает.

– Жалеет, что не сможет прийти. Не хотела пропускать. И по-прежнему уверяет, что все это случайность – с таблетками. Однако нам всем очень плохо.

Что-то в ее голосе настораживает Генри.

– Что значит «нам всем»? Конечно, неприятное происшествие, но твоей вины тут нет.

Джен поворачивается к отцу.

– Вообще-то, может, и есть.

– О чем ты говоришь?

– Мы с ней повздорили перед телеобращением.

– Мы – это кто?

– Все мы. Я, Тим и Пол. – Голос Дженни дрожит. – Мы все были на нервах, с этой годовщиной. А вы без остановки ругались… Не знаю. Мы отправились к Саре – договориться, чтобы посмотреть телеобращение вместе. И погорячились. Как с цепи сорвались.

– Дальше…

– Наверное, мы все переживаем, что не поехали в Лондон. Анна не осталась бы без присмотра.

– Не надо так думать, – говорит Генри.

– Но ведь все равно думаешь, правда? И парни снова насели на Сару: почему девочки не держались в клубе вместе, из-за чего разделились, почему она темнит…

Тут Дженни начинает плакать всерьез.

– Мы не хотели обижать Сару. Мы просто сорвались. Я ведь отказалась от поездки из-за Джона и концерта – а теперь даже не встречаюсь с ним… Поверить не могу, что я так поступила. Тупого парня поставила выше собственной сестры. Мы чувствовали такую вину… за то, что не были там, в Лондоне. Но нельзя было валить все на Сару…

– И когда случился этот скандал?

– Накануне реконструкции по телевизору.

Вот почему она приняла таблетки, осознает Генри.

Барбара обхватила Джен руками.

– Понятно. Вот в чем загвоздка, милая. Но вы не должны себя винить. Обсудите все это с Сарой, объясните, что не вините ее.

– Мы не виним. Действительно не виним. Мы только…

– Расстроены. Как и все. Я поговорю с мамой Сары – узнаю, когда можно ее навестить. И все уладить. А теперь вытри слезы и надевай новое пальто. Скоро начнут собираться гости. Я помогу тебе наладить отношения с Сарой, обещаю. Все будет хорошо. Нам нужно быть сильными сейчас, сегодня – ради Анны.

Генри смотрит на жену, недоумевая, где она научилась этому фокусу. Всегда знает, какие слова найти для девочек.

Для девочек? Он сам вздрагивает от множественного числа.

– Помни, это ради Анны. Чтобы глядеть веселее, когда Анна вернется домой. Да?

Барбара утирает лицо Дженни салфеткой, и тут раздается звонок.

Генри, еще в носках, открывает дверь и обнаруживает викария в прорезиненной куртке и болотных сапогах.

– Входить я не буду. Грязь. – Священник улыбается. – Славно придумали с местами для сидения. Я зашел просто показать вам то, что собираюсь прочитать. Ничего такого церковного, как мы и договаривались. Только доброе и светлое. И еще я подумал: может, вы, Барбара, скажете несколько слов? Ну знаете – поблагодарите всех за поддержку, попросите местную прессу и дальше печатать обращения к свидетелям…

Барбара улыбается, а Генри смотрит, как Дженни исчезает наверху – взять новое пальто. И вдруг она зовет их к окну на лестничной площадке:

– Посмотрите! Посмотрите в окно!.. Поднимитесь.

Викарий, захваченный возбуждением Дженни, снимает-таки сапоги и следом за Генри и Барбарой поднимается по лестнице – оттуда открывается прекрасный вид на узкую дорогу к дому. В темноте зрелище завораживает.

По дороге тянется узкая полоска огоньков: лампы, свечи и даже факелы прокладывают путь через тьму.

Генри чувствует, как задрожали его губы. Он смотрит на мерцающие огоньки – и снова видит Анну, бегущую впереди, в пальто поверх розового школьного платьица, с букетиком в руке.

Скоро придет Кэти, офицер по связям с семьей. И Генри понимает: всё, достаточно.

Ему придется поговорить с полицией.

Открыть всем правду.

Глава 12

Частный детектив

Мэтью складывает маленькие пирамидки из сахарных пакетиков, когда сержант Мелани Сандерс входит в кофейню, глядя на часы. Салли эта его привычка просто сводит с ума. Сейчас он поставил задачу построить сразу три пирамидки. Если одна рухнет, нужно сначала поставить новую, прежде чем приниматься за починку старой. Стол немного шатается, что усложняет задачу, и Мэтью так доволен собой, что обижается как ребенок, поняв, что пора остановиться.

– Прости, что беспокою тебя в воскресенье, Мел. – Он встает и чмокает ее в щечку, стараясь не замечать, как рушатся от движения стола пирамидки.

– Все нормально. Вообще-то я работаю. – Она смотрит, как расползлись по столу сахарные пакетики.

– Органы расщедрились на оплату сверхурочных? – Мэтью возвращает пакетики в сахарницу из нержавейки в центре блестящей поверхности.

– Нет. К нам из Лондона приехал детектив-инспектор Недоумок – по делу, к которому ты проявляешь такой странный интерес. А я при нем нянькой. – Она машет рукой официантке и смотрит за прилавок, прежде чем заказать капучино.

– Ты к нему неровно дышишь.

Мелани, поморщившись, высовывает язык.

Мэтью улыбается. Он рад видеть Мел. В полицейском колледже она была одной из немногих, кто тоже отказывался пить растворимый кофе. В первый же день раздобыла маленький кофейник с прессом. Над ними нещадно подтрунивали. Когда они работали вместе, Мел с помощью приложения в телефоне находила ближайшее кафе с настоящими эспрессо-машинами. Их идеальный завтрак состоял из картофельных сэндвичей и доброго итальянского кофе.

Мэтью смотрит на нее, понимая, как скучает. Не только по работе с Мел. По работе в полиции. По чувству коллектива.

– Ладно, Мэтт. Давай выкладывай, что на самом деле происходит, а то у меня мало времени. – Мел раскрывает глаза. – Инспектор намерен снова поговорить с Баллардами. Полагаю, есть какие-то новости после телеобращения. Мне, конечно, много не рассказывают, но я встречусь с офицером по связям с семьей. Мне и в самом деле нужно знать, в чем твой интерес.

Мэтью оглядывает кофейню и достает из кармана два пакета для улик – в каждом лежит открытка и конверт.

Мелани переворачивает открытки, чтобы прочитать сообщения, хмурится и снова смотрит на Мэтью, ожидая объяснений.

– Их прислали Элле Лонгфилд – свидетельнице с поезда. Хозяйке цветочного магазина. Она обратилась ко мне. Были еще две открытки – к сожалению, она их выбросила. Отправлены из разных мест – Лискерд, Дорсет и Лондон.

– И она не подумала прийти к нам?

– Поверь мне, Мел, я сказал ей то же самое. Она была уверена, что открытки от матери Анны – Барбары Баллард. И не хотела доставлять ей неприятности. Чувствует вину.

Мелани испускает долгий вздох, когда официантка приносит кофе.

– Ты не меняешься. Их нужно было отдать немедленно.

– А ты несправедлива. Я именно это и делаю, Мел. И повторю, ты не получила бы их, если б я не убедил Эллу. В любом случае мы оба понимаем, что это скорее ложный ход, чем какая-то подсказка.

– Твое чутье, Мэтт? Лонгфилд изрядно потрепали в социальных сетях, когда ее имя выплыло наружу.

– Ага, нехорошо вышло, да? – Мэтью следит за лицом Мелани, которая переворачивает пакеты, чтобы прочесть то, что на обратной стороне.

– Мы вправду не знаем, как такое получилось, Мэтт. Честно. Наверху по этому поводу был большой шум. Пресс-служба в ярости. И мы потратили немало времени, расследуя утечку. Чтобы успокоить Эллу. Попытаться все исправить. Однако тогда мы считали, что это, скорее всего, тролли или дети достают Эллу в Интернете. Может, одноклассники Анны. Неприятно, но ничего важного или связанного с расследованием. Или с двумя парнями с поезда.

– Так ты думаешь, продолжается то же самое? Какой-то придурок пытается ее напугать?

– Не знаю. Слишком много усилий. – Она рассматривает открытки внимательней. – Вряд ли найдем какие-то отпечатки, но попробуем. Пробьем по системе. Возможно, просто случайный псих… Ладно, говори. Почему Элла решила, что открытки от матери?

Мэтью рассказывает о поездке Эллы в Корнуолл. О скандале.

– И об этом она тоже не подумала сообщить нам… Великолепно.

– Не думаю, что это мать. Я с ней беседовал, Мел.

– Господи, Мэтт, идет расследование…

– Еще раз повторяю, у тебя ничего этого вообще не было бы без меня.

Мелани макает палец в кофейную пенку.

– А мне объяснять все это инспектору Недоумку… Ты прав. Скорее всего, тролль. Только инспектору не понравится, что его не поставили в известность.

– Непохоже, чтобы он серьезно продвинулся.

– Заносчивый зануда. Выглядит лет на двенадцать. Хорошо бы, хоть вполсилы работал – так он, похоже, отвлекся на какое-то убийство в Сохо. И считает меня своим персональным водителем, когда приезжает сюда. По счастью, не часто.

– Ты могла бы не вдаваться в подробности, когда будешь передавать открытки? Отмазать меня.

– То есть не упоминать твое имя?

Мэтью наклоняет голову и строит щенячьи глазки.

– В сотый раз повторяю: ты должен был остаться в органах.

Мэтью не отвечает. Мелани – одна из немногих, кто знает, почему он на самом деле ушел из полиции.

– Ну, колись. Что ты нарыл на эту мать, Мэтт? Офицер по связям с семьей считает, что она чиста.

– Я тоже. Вряд ли это ее работа. Я говорил о злобных посланиях, и она называла их письмами, а не открытками. И все же что-то здесь не так, Мел.

– О чем ты?

– Она делала вид, что хочет позвонить мужу, а по языку ее тела я читал, что она вовсе не хочет, чтобы он приходил. Немного странно…

Мелани снова щурится.

– Так что с родителями? – спрашивает Мэтью. – Они оба чисты? И что дало телеобращение? Есть польза?

– Давай лучше обсудим, каким ты станешь отцом. Это куда интереснее.

Глава 13

Свидетельница

С Люком-младенцем мне необычайно везло, хотя сначала я этого не понимала: не с чем было сравнивать.

Честно говоря, я ожидала, что не смогу продолжать работать. Когда беременность близилась к завершению, меня засы?пали страшными предостережениями.

«Готовься, – говорили мне. – На себя времени не останется. Некогда будет даже ванну спокойно принять».

И так далее.

«А когда станет легче?» – донимала я, как сейчас помню, подругу – мать трех девчонок. До появления Люка оставалось недели две, и ответ подруги я никогда не забуду: «Ах, Элла, легче не станет никогда. Вот подожди подросткового возраста…»

В тот день, вернувшись домой, я ревела и ревела, накручивая себя, что цветочный магазин придется продать.

Но знаете что?

Все предсказания и близко не были похожи на правду.

Отлично помню, какая паника охватила нас за порогом роддома. Я поразилась, что нам всерьез позволяют забрать этот крошечный сверток, хотя мы ни малейшего понятия не имеем, что творим. И помню, как в первые недели просыпалась по ночам в перерыве между кормлениями, в испуге, что забыла положить сына в переноску и он свалился с кровати.

«Тони, где ребенок? Куда я дела ребенка?»

И поразительно быстро все улеглось.

Люк оказался спокойным улыбчивым младенцем. Легким ребенком. Моя мама приезжала посидеть; я пользовалась ее помощью, чтобы как-то держать магазин на плаву, а к десятой неделе Люк привык спать всю ночь.

Он относился к тем детям, которые, если сыты и умыты, прекрасненько занимают сами себя. Я могла положить его на циновку, под детский мобиль-карусельку, и он улыбался и агукал.

– Ты была другой, – говорила мама. – Это у него от отца.

Благодаря невозмутимости Люка я начала работать в магазине гораздо раньше, чем собиралась. Мы укрепили на потолке крючок, и я купила сыну прыгучее

креслице. Он часами сидел в своих маленьких качелях, качался вверх-вниз, наблюдал, как я собираю заказы, гукая на всех покупателей. Качнулся. Гукнул. Качнулся. Улыбнулся…

Мой прекрасный Люк прошел через ад, а я и понятия не имела. Я так отвлеклась, думая об Анне, о ее семье, о чертовых открытках, что не замечала того, что творится под носом. Не видела, как рушится жизнь моего бедного сына.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Стелла Нина Маккартни (р. 1971) – английский модельер, дочь участника группы «Битлз» П. Маккартни.

2

Схватки Брэкстона-Хикса – ложные схватки, появляющиеся у некоторых женщин после 20-й недели беременности.

Купить: https://tellnovel.com/driskoll_tereza/ya-slezhu-za-toboy

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити